

18+

АНТОЛОГИЯ ХОРРОР-ФАНАСТИКИ
В ЖАНРЕ «УМИРАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ»

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА ЗЕМЛЕ

РЕДАКТОР
ОЛЕГ ХАСАНОВ

Олег Хасанов

**Последние дни на Земле.
Антология хоррор-фантастики
в жанре «Умирающая Земля»**

«Издательские решения»

Хасанов О.

Последние дни на Земле. Антология хоррор-фантастики в жанре «Умирающая Земля» / О. Хасанов — «Издательские решения»,

Миллион лет от Рождества Христова. Ресурсов на планете не осталось. Океанов нет. Человеческая цивилизация исчезла. Войн нет. Но это не постапокалипсис. Всё гораздо хуже. Шесть современных авторов и трое классиков заглянули в бездну, где человечество превратилось в угасающую тень. Здесь нет хэппи-эндов. Здесь нет юмора. Здесь царит безнадёга — настолько беспросветная, что Томас Лиготти, Юджин Такер и Ник Ланд завывали бы от экзистенциального ужаса, прочитав эту книгу.

© Хасанов О.

© Издательские решения

Содержание

Death Continuum	6
Алиса Горислав	20
Тантриниэль	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Последние дни на Земле

Антология хоррор-фантастики

в жанре «Умирающая Земля»

Редактор Олег Хасанов

Дизайнер обложки Пётр Гринёв

Составитель Олег Хасанов

Переводчик Олег Хасанов

© Пётр Гринёв, дизайн обложки, 2026

© Олег Хасанов, составитель, 2026

© Олег Хасанов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-9349-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последние дни на Земле, 2026

Все права защищены. Только для частного использования. Коммерческое и некоммерческое воспроизведение (копирование, тиражирование, распространение, сдача в прокат, переработка, использование идей и персонажей, публичное исполнение, передача в эфир, сообщение для всеобщего сведения по кабелю, доведение до всеобщего сведения в сети Интернет) без разрешения правообладателя запрещены.

© Авторы, текст, 2026

© Олег Хасанов, составление, 2026

© Пётр Гринёв, иллюстрация для обложки, 2026

Компьютерная вёрстка *Олег Хасанов*

Death Continuum

КОГДА СОЗВЕЗДИЕ ПУТНИКА НАЧНЁТ ПО НЕБУ СОРОКОВОЙ ПОДЪЁМ

Death Continuum занимается различными видами творческой деятельности: написанием преимущественно твёрдой научно-фантастической прозы, приключенческой фантастики, мистики, сплаттерпанка, а также звуковых ландшафтов. Участник и финалист различных литературных конкурсов, неоднократно публиковался в разнообразных антологиях и журналах, как в сети, так и на бумаге. Некоторые музыкальные релизы в виде полноформатных альбомов и межавторских аудиокompilаций изданы на трёх лейблах, посвящённых экспериментальной музыке. Время от времени возвращается к судейству на литературных конкурсах и к своему микроскопу.

Морволунд брёл по пустыне. Он и рад бы добраться до гор Хамар засветло, раньше преследователей, но шансы на это исчезали вместе с дневным светом. А ночная пустыня Нактрагол, окутанная жуткой славой, не самое безопасное место.

Спала ярость дурманящего сознания зноя, сменившись бархатным дыханием вечера. Почти закатившийся Цунналас уже расплавил горизонт, залил его жидким золотом.

Морволунд отстранённо посмотрел на прекрасное, но короткоживущее явление и, вздохнув от боли, тупо уставился себе под ноги. Укус пятнистого талоса давал знать всё больше.

Бронзовая кожа посерела и покрылась потом. Борясь с жаром, Морволунд плотнее закутался в просторные одежды и смахнул с лысой головы липкие капли. Странник погрузил Дух внутрь себя, укрепляя волю и невероятным усилием отгоняя подступающую болезнь. Очищая себя от усталости, Морволунд стиснул длинными пальцами самодельный и грубо сработанный посох-копье, ища в нём поддержки. Левая кисть, изуродованная страшными рубцами, чуть подрагивала. Яд песчаного гада бушевал в крови, словно захватчик, желающий разрушить до основания осаждаемую им цитадель. Стремящийся уничтожить волю дурнотой. Подавить последние очаги сопротивления болью и сдаться смерти, которая вряд ли будет милосердной.

Бормоча заученные слова, которые не понимал, Морволунд чувствовал, как натиск токсина постепенно слабеет. Что было тому причиной — животное упорство организма, отчаянно цепляющегося за жизнь, или же таинственные формулы — Морволунд не знал. Он лишь брёл к циклопическим хребтам, потеряв счёт времени. Достичь древних гор и окончательно уйти от врагов, запутать след — лишь эта цель сейчас билась в паутине страшной слабости.

Растерявший дневную удачу Цунналас, застенчиво краснея, поцеловал горизонт. Медный закат остывал, как и дыхание умирающего вечера. Облачные замки окрасились кровью, которая лилась в битвах давнего прошлого.

Впрочем, она льётся и сейчас. Но уже не бурными реками, а тонкими ручейками из медленно, но верно пересыхающего источника, которым стало человечество.

Разрозненное и угасающее. Увядающее, как осыпавшийся цветок, и дряхлое без прикрас. Безобразное.

Густели сумерки. В наливающейся синеве зажглись первые звёзды.

Морволунд вздохнул. Ежедневно любясь небесным океаном, обнимающим обескровленный мир, странник с грустью ловил себя на мысли, что за свою долгую жизнь он ещё не видел моря.

Оно бесконечно далеко и уже недостижимо, как давно минувшие зоны, которые ещё могли его помнить. Летопись времён, всё больше погружаясь в дементные пучины, не сохра-

нила никаких упоминаний. Только жалкие обрывки воспоминаний тех немногих мудрецов на пути Морволунда, которые сомнительными способами отваживались *отпустить дух*, чтобы прикоснуться к прошлому.

Морволунд, собирая знания о прошлом, хранил в памяти даже эти ничтожные клочки легенд, которые всегда разнились. Неважно, были они фантазиями тех, кто изменил сознание, или же в них ещё проскальзывали фантомы правды. То, что смог накопить Морволунд, будоражило его, заставляло задуматься. В отличие от прочих, Морволунд жил не только настоящим, но и прошлым. Оно двигало его вперёд. Стало его верой. Его собственной правдой, которую уже не проверить.

Даже если она всегда была лишь лживой сказкой.

Только прошлое помогало жить в мире, у которого нет будущего.

Морволунд остановился и перевёл дух. Широкая грудь вздымалась и опадала, когда странник жадно вдыхал воздух. Организм отбил атаку яда, но сейчас уподобился разбитой крепости. Тело вновь проявило поразительную стойкость, которой также обладали родители и даже далёкие предки Морволунда. Странник немного попил и, отдыхая, осмотрелся.

Великая пустыня Нактрагол почти пройдена. В наступающей ночи охра песков потемнела, сперва став пеплом, как в безжизненных землях у Огненных гор Мунктрим, а затем почти чёрной, как бездонные впадины Угла Мон-Дорстум.

Преследователи пока не показывались.

Морволунд сверился со звёздами, надеясь, что не сильно отклонился от пути. Шикарное созвездие Потомас, как и прежде раскинуло крылья над пустошью, но уже гораздо выше на небосводе, чем недели назад. Над громадой гор всё отчётливее показывался Двуручный Топор, который Морволунд, никогда не видел в родных землях на севере. На его острие сияла Кровавая Капля — светило, которое предупреждало путников, что отныне они в поистине диких землях.

Над горизонтом появился растущий серп Моулун, а за ним...

Морволунд поёжился. Глядя на зловещий Глаз Сибона, Морволунд снова почувствовал необъяснимый страх. Ярчайшая на небе и также известная как Беглец, эта оранжевая звезда не похожа на остальные. Ещё его дед говорил, как она медленно, почти незримо уползала из лезвия Топора в Потомас. Спустя десятилетия Морволунд мог поклясться, что Беглец полностью оправдал своё название, сместившись по небу примерно на полный диск Моулун. Странник интуитивно ощущал, что не к добру всё это.

Дурной Глаз Сибона. Роковая Звезда. Говорят, что по некоему древнему пророчеству она принесёт смерть, приближение которой «прекраснее всего, что видело человечество».

Морволунд покачал головой. Как бы он хотел встретить тех, кто понимал небесные знаки! Тех, кто ещё помнил названия звёзд на древних языках, которые, увы, стёрлись из памяти даже немногих сохранившихся мудрых. Не говоря уже о разрозненных племенах и группах, которые даже разучились говорить.

А когда в последний раз говорил он сам? Недели одинокого молчания становились месяцами. Морволунду почти никто не попадался, и лишь безразличное пространство было ему безмолвным собеседником. Такова цена пути в неизвестность за... А уже за чем? И зачем?

Морволунд попытался вспомнить что-нибудь ещё на других, забытых наречиях.

Безуспешно.

Лишь отдельные слова. Только простые предметы, географические названия, да имена звёзд, как последние памятники великим языкам прошлых эпох.

Одно время Морволунд не боялся неизвестности. Оставив родные земли, странник избрал совсем другую дорогу, отличную от беспросветного упадка, куда катился его род. Словно Глаз Сибона, Морволунд сам стал беглецом от завидной участи. Он отказывался принять место в общине, которая медленно тлела заживо.

За годы странствий Морволунд бережно собирал и копил то, что сохранилось от человечества. Те скудные крохи знаний, что добывал странник, поражали воображение. И тем печальнее было видеть, как люди уже немыслимые столетия всё глубже скатывались в бездну варварства. Морволунд частенько спасался от обезумевших и деградировавших племён, которые уподобились даже не хищникам, а падальщикам. Людоедство, кровосмешение и насилие — вот, что пронесло вымирающее человечество сквозь эоны, позабыв про благородство. Смертельно больное, оно не могло жить... существовать иначе в гибнущем мире.

Морволунд ещё надеялся, что встретит лучший мир, где людям можно жить, а не выживать. Но крепнущий с годами призрак бессцельности его путешествия пугал до смерти.

И чем дальше Морволунд уходил, тем реже встречались ему даже такие жалкие осколки цивилизации, как его община. Гаснущие угли цивилизации на его пути всё чаще становились остывшими и неприглядными останками.

И больше всего ужасало то, что весь путь Морволунда затеян зря. Ведь в зыби горизонта будущее так размыто...

Тёмное небо прочертила яркая полоса. Разгораясь всё ярче, она факелом рухнула где-то в горах. А за ней полыхнула ещё одна. Словно искры вспыхнувшей в груди надежды, которой суждено тут же умереть.

Морволунд понял, что он уже в Долине Рухнувших Звёзд. Загадочном и опасном уголке планеты, в котором, по слухам, небеса быют изуродованную землю сильнее, чем где-либо.

В регионе, который избегали даже самые отъявленные головорезы.

Подул прохладный ветер. Зашипели потревоженные им пески.

Морволунд с досадой выругался, жалея, что не может идти быстрее. Яд ушёл, оставив напоследок боль, слабость и хромоту. Ночь настигла странника среди мёртвых песков, а это означает, что Морволунд до рассвета не сомкнёт глаз.

Если выживет.

Шорох усилился.

Взгляд Морволунда заметался по окрестностям. Настала пора хищников, что бояться зноя и выползающих после заката. Ненавидящие дневной свет, эти кошмарные порождения тьмы рыщут в ночи лишь с одной целью — утоление голода.

Выбрав дюну повыше, путешественник забрался на его вершину. Вырыв яму, Морволунд укрылся плащом, ожидая, когда песок, гонимый дыханием пустыни, спрячет его от посторонних глаз.

Вокруг завывал ветер. Тосклив был его голос. Полный скорби, он разносится по изувеченным и застывшим в вечной агонии ландшафтам, словно эпитафия бренному миру. Стеная, словно призрак, он в бессильной ярости трепал безжизненные барханы, в которых чувствовался вкус пепла.

И это вновь пробудило тяжёлые думы. За свою долгую жизнь Морволунд убедился сполна, насколько горьким оказался избранный им путь собирателя знаний.

И не только его.

Под сонный шёпот пустыни Морволунд отправился в прошлое на два десятилетия. Когда он и группка единомышленников, горящих идеей отыскать и сохранить хотя бы крохи былого величия человечества, разбрелись на все четыре стороны. Такие, как Морволунд, всегда были исключением. Они хотели обрести смысл в жизни, но не в бессмысленном выживании.

Энкмас, Наорвуул, Седец-Каз'Ир и ещё горстка ребят — где вы сейчас?

«Давайте все вместе поклянёмся, что когда встретимся, то все обрётённые знания передадим друг другу без утайки. И пусть это случится у Безымянной Твердыни на плато Кружева Озёр, когда созвездие Посох Путника начнёт по небу свой сороковой подъём».

Столь наивные слова, которые когда-то стали стержнем их веры.

А сохранилась ли она? Обрёл ваш внутренний стержень стальную твёрдость, или же его погрызла ржавчина? И не прервался ли ваш Путь?

До сих пор Морволунд хранил верность клятве. Осталось ещё двадцать лет странствий до Великой Встречи, будоражащей душу.

Состоится ли она? Ведь на этой дороге твоей второй тенью стала сама смерть.

Она теперь везде.

Словно гриф, почуявший смрад падали, она преследует немногих выживших, которые ещё не знают, что уже всецело её рабы. Отныне смерть — синоним времени, которое в старческом безумии догрызает то немногое, что осталось от руин давно исчезнувших городов.

Пересекая причудливые развалины, Морволунд спускался в подземелья, надеясь отыскать там хоть что-то. Эхо былого величия ещё теплилось под ветхими развалинами. Словно фантомы мифических эпох. Фрагменты изувеченной истории, которые уже не собрать воедино.

Обрушенные туннели и заваленные катакомбы, в которые уже никогда не проникнуть. Древние рукотворные пещеры, запечатанные вымершими людьми прошлого, а затем и самой природой.

То немногое, что Морволунд находил среди бесформенных обломков и монументов, занимавших поистине гигантские пространства, уже не несло почти никакого смысла. Не осталось никаких воспоминаний о тех, кто здесь когда-то жил. Облик древних властелинов и образ их жизни растворился среди песков времён. И Морволунд всё более отчаивался в поисках.

Если что он и находил, то это свидетельства упадка из поздних эпох. Скудные, но столь безобразные упоминания о том, как человечество истощало себя и окружающий мир.

Теперь Морволунд знает, почему пески руин так больно ранят стопы. Почему потревоженная пыль в немых глубинах рукотворных пещер так смердит металлом и вяжет рот.

Он отчаянно хотел преодолеть постоянно растущую пропасть между настоящим и прошлым, чтобы в рассыпающихся останках былого найти хоть что-то достойное... Чтобы подтвердить наверняка приукрашенные легенды, услышанные от немногих оставшихся мудрецов ещё в детстве.

Спустя двадцать лет последние хранители знаний уже наверняка мертвы. И теперь никому не оспорить, что спустя эоны от минувших и мифических веков остался только прах.

Именно на таких кладбищах цивилизаций Морволунд осознал, что время великих историй давно прошло — оно само стало историей.

Но таков путь его личной веры. Горький, тернистый, смертельно опасный.

Неопределённый.

Морволунд вздохнул и попытался отогнать упаднические мысли. Но те, подобно мухам, лишь отлетели на безопасное расстояние. Они ещё вернутся и продолжат назойливое жужжание о том, что всё зря.

Затаившись в песках, Морволунд прислушивался к окрестностям. Пустыня что-то сонно шептала, и острый слух путешественника различил новые звуки.

Шорох одежды и тихие шаги.

Морволунд обратился в слух. Видимо, преследователи оказались куда опытнее, чем казались на первый взгляд. Ни запутывание следов в изменчивой и жадно их поглощающей пустыне, ни маскировка под следы другой живности не обманули охотников.

Застывший, словно зверь в засаде, странник сжал тяжёлый посох. Внимательный взгляд выхватил едва заметные силуэты, подсвеченные анемичным блеском звёзд и бледной Моулун. Не спуская с пятёрки пришельцев цепкого взгляда истинного хищника, Морволунд подобрался. Он привык сражаться за свою жизнь в драках, лишённых всякого благородства. Размышления о высокой цели, как и одолевавшую последние годы экзистенциальную тоску тут же отогнала дубина древних инстинктов. Намертво впаянные в подкорку, они прошли вместе

с человеком от его зарождения до нынешнего и мучительного угасания. Сквозь немыслимые бездны лет они пронесли один завет.

Или ты устраняешь смертельную угрозу, или она тебя. Всё просто.

А угроза, вооружённая кривыми палками, неуклонно приближалась. Преследователи хранили гробовое молчание, лишь изредка обмениваясь знаками. Морволунд нахмурился. Что-то было не так. В походке, жестах и облике прибывших.

Примитивные племена, рассеянные по пескам, так себя не ведут. Задиристые и агрессивные, они обычно, стараются не покидать своих земель. А эти...

Они так не похожи на долговязых жителей пустынь!

Наблюдая за уверенным перемещением в темноте сторбленных фигур, Морволунда охватило подозрение, от которого в жилах стыла кровь.

Пятёрка остановилась. Припав на колени, к едва заметным следам Морволунда, которые невозможно разглядеть в темноте обычному человеку, они принохивались, как дикие звери. Синхронно подняв головы, они бесшумно двинулись к месту, где затаился Морволунд.

Путешественник окаменел, когда узнал эту скользкую сторбленную походку с переходом на четвереньки. Сомнений больше не оставалось.

Раздевающие Ночь.

Безжалостные охотники, держащие в ужасе почти всю пустыню Нактрагол. Людоеды, не скованные даже остатками чести и морали. Кочевое племя извергов, разделённое на отдельные банды, которые не боялись никого и ничего.

Вспомнились кошмарные легенды, что Раздевающие Ночь даже не совсем люди. А нечто другое, чьё происхождение теряется в глубине веков.

По позвоночнику Морволунда прошла ледяная волна. Видимо, слухи оказались правдой.

В отличие от диких племён, эти хищники со сверхъестественным чутьём на раны пойдут за добычей куда угодно. Даже в Долину Рухнувших Звёзд. Если кучка песчаных дегенератов оказалась трусовата и отказалась от преследования, то Раздевающих Ночь не волновали суеверия.

А может, прошлые охотники сами стали добычей.

Морволунда охватил озноб. Изнутри, распустив липкие щупальца, нарастала паника.

Раздевающие Ночь пошли полукругом, заходя на жертву с двух сторон.

Поняв, что скрываться бессмысленно, Морволунд выскочил из укрытия. Сжав посох в руке, он с бешено колотящимся сердцем и диким воплем бросился на преследователей. Морволунд не питал иллюзий. Он ещё мог попытаться сразить одного или двух. Но пятерых...

Посох странника столкнулся с изогнутым оружием охотника со сводящим зубы лязгом. Обмениваясь ударами, от которых вышибало искры, Морволунд отступил под яростным натиском врагов. Возблагодарив годы практик в обращении с оружием, Морволунд умудрялся парировать страшные удары двоих врагов, пока остальная тройка выжидала, чтобы не мешать собратьям.

Изогнувшись с поразительной гибкостью, Морволунд избежал коварного тычка в живот и атаковал сам. Свистнул посох, и один из Раздевающих Ночь рухнул на песок с пробитой головой.

В укушенной ноге с новой силой вспыхнула боль, когда в сражение вступил один из выжидающей троицы.

Странник охнул от подлого, но неуклюжего удара по недавней ране. Продолжая бой, Морволунд на мгновение сошёлся в клинче с противником и разглядел его лицо. Неестественно вытянутое, жестокое и обезображенное шрамами, оно больше напоминало звериную морду. Чёрные, словно гарь, глаза горели потусторонней яростью. Враг с ненавистью оскалился, обнажая кривые клыки. Между острых зубов торчали ошметки плоти.

Напахнуло мертвечиной.

Морволунд провёл обманную атаку, путая соперников, и ударил сам. Скрежетало и лязгало сталкивающееся оружие. Лилась кровь. Смертельный страх уступил место гневу.

Ещё один враг упал после смертоносного удара наконечником в основание черепа, и на смену павшему пришёл очередной. Он наступал столь свирепо, что едва затеплившаяся надежда на победу растворилась. Сжимая в руках по два куска чего-то похожего на сплюснутую и заточенную арматуру, противник наносил настолько быстрые и мощные удары, что Морволунд едва успевал их парировать.

Слишком поздно странник понял тактику охотников. Отправившие в бой сперва слабейших, они изучали возможности жертвы. Изматывали её.

Уклоняясь от наседающих врагов, Морволунд боковым зрением увидел, как сзади заходит последний.

Вожак.

Морволунд в ярости сплюнул. Тлетворное дыхание вплотную приблизившейся смерти вызывало дурноту.

Взметнулись пески. Взметнувшиеся оттуда силуэты вихрем обрушились на Раздевающих Ночь.

Рухнув на песок, Морволунд замер. Его инстинкты буквально кричали: не шевелись!

Он слышал шум жаркой схватки. Раздевающие Ночь в бешеной ярости сражались с неизвестным врагом. Приглушённое рычание людоедов становилось мучительными воплями. Вой ненависти переходил в надсадные и булькающие хрипы, словно Раздевающих Ночь заживо рвали на куски.

Застыв в одной позе, Морволунд лишь краем глаза видел происходящее, но зато слишком хорошо слышал, как рвётся плоть и хрустят кости. Чувствовал медный запах крови и тошнотворную вонь распоротых внутренностей. Странника сковал смертельный ужас.

Это даже не битва.

Резня.

Кошмарные звуки расправы сменились эхом чудовищного пиршества. Морволунд почувствовал, как что-то нависло над ним. Невидимое и куда более жуткое, чем всё, с чем сталкивался путешественник.

Скрытое тьмой и пышущее сверхъестественной злобой, нечто источало ледяной и едкий смрад, от которого перехватывало дыхание. Нечто неизвестное, что не могло принадлежать даже этому уродливому миру. Морволунд понимал, что если он решится посмотреть на хтоническое исчадие, то сразу лишится рассудка.

Оставался один способ спастись.

Отпуская Дух, Морволунд замедлил сердцебиение и температуру тела, надеясь, что ночной кошмар его не настигнет. Лишь упорными тренировками Морволунд научился балансировать между реальностью и забытьём. Становиться чем-то вроде живого трупа.

Невыносимое зловоние чудовища и сгустившаяся тьма, наконец, окутали похолодевшее тело Морволунда, лишив его последних крох сознания.

Морволунд очнулся на рассвете. Дрожа от утренней промозглости, он поднялся, окончательно просыпаясь от пощёчин холодного ветра. А тот пригнал с гор стада облаков, которые заволокли небо. Столпившиеся и теснящие друг друга, они становились всё тяжелее, хмурились и угрожая обрушиться дождём на усталую землю.

Погода давно стала одним из воплощений медленной гибели мира. Такая же переменчивая и непредсказуемая. И такая же агонизирующая.

Взгляд Морволунда упал на землю. Ветер скрыл следы ночного побоища, но не до конца. От растерзанных охотников не осталось ни клочка. Зато двое убитых Морволундом Раздевающих Ночь валялись нетронутые и почти погребённые под песком. Видимо, неведомые хищники, насытившись добычей, побрезговали мертвечиной.

Отряхнувшись от песка, странник наклонился за посохом. На металлическом древке появились новые следы. Свежие и неровные потёки, словно проеденные древоточцем или едкой кислотой. Морволунд содрогнулся, гоня прочь мысли о природе и облике тварей, которые поневоле стали его спасителями.

Уже накрапывал скудный дождь. Очень хотелось есть.

Морволунд порылся в скудных припасах. Не найдя ничего съестного, странник посмотрел на песчаные холмики над убитыми.

В отличие от неведомых созданий, ему не из чего выбирать.

После часов пути пустыня постепенно сменялась степью. Чахлые растения пробивались сквозь твёрдую почву и, словно в мольбе, тянули к небу листья.

Вдруг серые небеса разорвала хвостатая вспышка. Непохожая на обычную молнию, она вспорола свинцовые тучи. Огромная, словно Моулун, она разваливалась на сноп искрящихся кусков, подобно раскалённым углям в пылающем костре. Скрывшись где-то за горизонтом, она оставила после себя лишь облачный след и донёсшийся через несколько мгновений тяжкий грохот.

Так рухнула ещё одна звезда.

В этом угрюмом краю умирало даже небо.

Морволунд изредка видел свидетельства этого. Обугленные останки звёзд валялись посреди округлых ям со вздыбленными краями. Странник ещё ни разу не видел, каковы звёзды вблизи. Он слышал про них разное. Что это сгустки свирепого пламени, способного испарить металл. Что это глаза небесных созданий, никогда не спускающихся на землю. Драгоценности. Свита Цунналаса. Слезы Моулун.

На самом же деле они оказались уродливыми кусками оплавленного камня или железа. А иногда попадалось нечто стеклоподобное. Среди обломков самых разных форм и размеров порой попадались удивительные вещи. Невероятно редкие и сделанные из материала, так похожего на посох Морволунда, они казались самыми причудливыми творениями осыпающегося неба.

Шагая по долине, Морволунд пригляделся к горам, которые стали чуточку ближе. Скоро он достигнет ветхих гряд Хамар, за которыми скрывались легендарные земли, уже неизвестные ныне живущим. Неизведанный край, про который умалчивала даже феноменальная память Морволунда, хранившая богатые знания, накопленные за годы странствий.

Рубеж земли.

Воодушевление в сердце путешественника делило место с сомнением. С годами Морволунду люди попадались всё реже. И без того скудная жизнь угасала на глазах. Что же дальше? Такие же безымянные курганы, как и раньше? Циклопические развалины, среди которых ещё угадывались громадные, почти стёртые воронки со стеклянными краями?

Попадутся ли оазисы жизни? Или же вместо них будут зловонные и вязкие озёра с чёрной гладью, в цепкой хватке которых гибнет и медленно разлагается всё живое?

Есть ли ещё надежда найти цветущую землю, или впереди лишь камень, соль и пепел? Встретятся ли обжитые пещеры, или же вместо них будут только коварные провалы да глубокие низины, на дне которых притаилась невидимая и удушливая смерть? Впрочем, дышать и так стало куда труднее...

Остался ещё путь через Разруб Оргулл'гмар. Единственный проходимый участок поблизости, делящий дряхлые хребты надвое. Куда он ведёт — никому неизвестно. Слишком часто там ревут огнедышащие гиганты, и стонет изнурённая земля.

Земля, некогда принадлежащая океану.

Морволунд ещё надеялся его отыскать. Не топкие лужи с гнилой и цветущей водой, оставшиеся на месте морских котловин. Не насквозь просоленные озёра, растерявшие остатки даже самой приспособленной жизни.

Океан.

Сколько надежд Морволунд вложил в это древнее и стихийное слово. Новая часть его личной веры, живым воплощением которой он так жаждал поделиться со своими собратьями у Безымянной Твердыни.

Может быть, тогда и обретёт надежду мучимое жаждой человечество, не видевшее ничего, кроме высохших русел рек и скудных ключей. Ведь с каждым десятилетием воды становилось всё меньше. И всё чаще и ожесточённой люди проливали за неё пот и кровь.

Конечно, вода была и под землёй.

Морволунд ненавидел подземелья. Борясь с отвращением и страхом, он спускался в них, но не находил ничего, кроме запустения и смерти. Глубоко под земной твердью, в затхлой и ледяной темноте Морволунд сталкивался с Живущими в Пустотах. И с тех пор странник пытался избегать таких встреч.

Вспомнив события прошлой ночи, Морволунд вздрогнул. Он зарёкся тревожить покой тех, кому испокон веков принадлежали ледяные источники подземных бездн. Вымирающим людям не уцелеть в непроглядной темноте, приютившей совсем другую жизнь.

Там они станут лишь кормом.

Тянулись часы. Моросил дождь. Лишь иногда из облачных тенет пытался вырваться бледный диск Цунналаса. Лишь на миг, и призрачные небесные монстры с рваными мордами вновь дрались друг с другом за право сожрать ускользающее светило.

Продрогнув от холода, Морволунд приблизился к Разрубу Оргулл'гмар. Даже издали он казался чудовищной раной, разрубившей хребты надвое. Но вблизи...

Морволунд не любил приближаться к титаническим скалам. Путешествуя по долинам и равнинам, странник остро чувствовал свою ничтожность, когда ему приходилось проходить неподалёку от гор. И глядя на подножия, сплошь утыканные иглами сломанных и погибших деревьев, Морволунд чувствовал себя смертным как никогда.

Зайдя в земли Разруба, Морволунд со смесью страха и благоговения смотрел на угрюмые вершины. Обветренные и осыпающиеся, они казались каменными костями, которые в неизбывном голоде обгладывала слепая стихия. Голые, без намёка на вечные льды, скалы медленно рассыпались под собственным весом и ударами времени.

Следы оползней и камнепадов усеивали серую долину, по которой змеились чёрные и бурые потоки застывшего пламени.

Глядя на давно запёкшуюся кровь огненных гор, Морволунд непроизвольно сжал покалеченную кисть. Несколько лет назад он испытал, каково это — быть пленником вырождающегося народа, существовавшего у Тяжёлой Реки далеко на севере. Обосновавшиеся в полях, дышащих раскалённым и кислым паром, они приносили жертвы Тяжёлой Реке, изливающейся из жерла пламенной горы.

Тяжкие воспоминания на миг ожесточили взгляд Морволунда. Едва не став жертвой изверских обычаев, Морволунд спасся. Но память о жуткой боли после касания Реки осталась с ним навсегда.

Как и содеянное после.

Морволунд невидяще смотрел на вяло курящийся конус одной из увечных гор. Оловянный взгляд странника рассекал камень и время, пробуждая отвратительные события, когда Морволунду вновь пришлось убивать.

Обуянный злобой, он истребил безродную общину трусливых карликов, способных нападать только исподтишка и скопом. Жалкие и слабые настолько, что молятся стихии, которой наплевать на них.

Морволунд мотнул головой. Полыхнувшая было в его глазах ненависть ушла, став пустотой.

Движимый идеальной мечтой о просвещении, Морволунд уже досыта насмотрелся на человеческую дикость, которая была его собственным безжалостным отражением.

В подышающем мире смерть не просто ходит за тобой по пятам. Она становится продолжением твоих собственных рук. Поселяется в проливаемой крови, как собственной, так и чужой. Морволунд уже не хотел убивать, но становившиеся всё более редкими столкновения с людьми порой не оставляли другого выбора.

Да и людьми ли?

Уходя всё дальше, странник уже почти никого не встречал. Только распад и самоуничтожение. Лишь несколько сотен существ, которые давно утратили не только цель, но и право называться человеком.

Зарокотала начинающаяся гроза. Но никакой ливень не смоет грязь, в которой Морволунд на протяжении жестоких десятилетий топил свою душу.

На мгновение разошлись облака, и световые копья Цунналаса ударили в землю. Странник прищурился. Впереди кто-то был.

Присмотревшись, Морволунд остановился. Острый взгляд выхватил несколько маленьких фигурок, которые мчались путешественнику навстречу.

Морволунд постепенно различил отдельные силуэты. С десятков фигур явно кого-то преследовали. Донеслось приглушённое улюлюканье. Сощурившись, Морволунд остолбенел, наконец-то различив, кто вот-вот станет добычей неведомых охотников.

Женщина.

Морволунд побежал. С посохом наизготовку он уже мчался, словно ветер. Группа охотников разделилась — Морволунда тоже заметили. Что-то просвистело мимо головы и глухо шлёпнулось на землю.

Камень.

Морволунд отпрыгнул, уклоняясь от очередного снаряда, выпущенного из пращи. И ещё от одного. И ещё. Враги открыли шквальный каменный огонь.

Морволунд злобно зашипел от боли, когда по нему попало несколько снарядов. Уходя от града камней со звериной грацией, странник неумолимо сближался с противниками. Те выхватили грубые дубинки.

Сократив расстояние, Морволунд прыгнул. Мощный взмах — и наконечник вспорол шею первого врага. На серую землю хлынула кровь.

Снова свистнул посох, и второй соперник упал с разбитой головой. Парировав яростные, но неуклюжие удары, Морволунд справился с остальными. Видно, что эти коренастые и бородатые дикари обладали недюжинной силой, требуемой в горах, но им не хватало длины рук и гибкости долговязого прищельца.

С нечленораздельным рёвом на него набросились оставшиеся шестеро. Даже такое редкое создание, как женщина, тут же было забыто, когда перед ними возникла столь смертоносная угроза, как Морволунд.

Направляя Дух, Морволунд отбивал бешеный натиск. Поле боя словно замедлилось. Движения врагов стали сонными. И Морволунд понял, что нынешние противники — это не Разде-

вающие Ночь. Атакующие гурьбой и мешающие друг другу, они пытались добраться до врага. Грубо толкаясь, они частенько попадали под дружественные удары.

Морволунд скривился. Не соперники.

Через несколько минут всё было кончено.

Залитый кровью — своей и чужой — Морволунд приблизился к женщине. Закутанная в жалкие тряпки, та сидела на земле, ни жива, ни мертва. С расширенными от ужаса глазами она таращилась на рослого и худощавого чужака.

Её же в свою очередь изучал и Морволунд. Коренастая и крепкая, как и охотники, но не такая волосатая, она была на две головы ниже Морволунда. На вид средних лет. Слишком светлая кожа, по которой струился пот. Маленькая вздымающаяся грудь. Узкие карие глаза и крупные скулы.

И много шрамов, усеивающих открытые участки тела.

Избегая резких движений, Морволунд опустил посох.

— Бояться, нет, — сказал он на своём языке, одновременно сотворив жест с тем же значением.

Женщина не двинулась.

— Бояться, нет, — повторил Морволунд на куцем, но таком простом языке изолированного племени с Плато Энарбатлог, которое осталось позади в тысячах днях пути.

Никакой реакции.

Странник вздохнул и произнёс слова Успокоения, направив их на женщину. Ещё одна простая, но рабочая формула, смысл которой погребён временем.

— Морволунд, — ткнул он себя в грудь. Повторив так несколько раз, он вопросительно посмотрел на женщину и указал на неё пальцем.

Та едва заметно пошевелилась и грустно вздохнула. Морволунд покачал головой. Ещё одна безродная.

— Морволунд, — коснувшись себя ладонью, он развернул её к женщине.

— Нмахт.

Морволунд плохо знал дословное значение этого названия. Он помнил, что мудрые его племени так называли загадочное озеро. Полностью теряющее воду раз в несколько лет, оно оставляло вместо себя бездонную воронку, истинная глубина которой так и осталась неизвестной.

Нмахт. Загадочная и неизвестная.

— Морволунд, — повторил он жест, — Нмахт.

Та боязливо улыбнулась в ответ и что-то проговорила. Морволунд промолчал, пытаясь опознать язык.

Да и язык ли это? Те люди, что попадались на пути, пытались изъясняться по-разному, но всё сводилось к примитивному бормотанию. Морволунд не был уверен, что его собственный язык звучит благозвучнее.

Но был вопрос насущнее.

Загибая пальцы на руках, Морволунд указал на трупы, надеясь, что женщина поймёт его верно:

— Ещё?

Нмахт поднялась и сплюнула.

— Кхопт.

А это уже смутно знакомое слово!

— Канхопт? — сказал «нет» Морволунд на примитивном диалекте одной из кочевых общин пустыни Нактрагол.

Нмахт просияла.

— Кхопт ырро.

Морволунд промолчал. Если он правильно понял, это означало лишь одно. Полное истребление.

Ещё одна безымянная банда в полном составе отправилась на свалку истории. Теперь уже не узнать, как они жили, к какому роду относились.

Нмахт сказала что-то ещё, но Морволунд не разобрал речь и не понял смысл. Он даже не стал пытаться выяснить, почему и зачем на Нмахт охотились. Скорее всего, чтобы надругаться и сожрать. Теперь это неважно. А вот есть ли впереди ещё люди?

Морволунд попытался спросить об этом свою новую знакомую, но не получил внятного ответа. Махнув рукой, он отправился дальше, не заботясь о том, пошла ли за ним Нмахт.

Небо разорвал ещё один небесный факел. С неимоверной скоростью он прочертил огненную полосу и скрылся с глаз.

Морволунд задумался. Если он пересёк Долину Рухнувших Звёзд, то почему они продолжают падать?

Ещё несколько дней Морволунд и Нмахт шли по тропам Разруба. Люди больше не попадались. Только мрачные хребты, кутающиеся в грязное рубище из пепельных облаков, не способное прикрыть их безобразную наготу.

Изредка проснётся какая-нибудь далёкая огненная гора. С надсадным кашлем смертельно больного она исторгнет клубящийся столб дыма и пепла, который пронизывали молнии. Тухлый смрад тяжёлого дыхания бушующей горы стоял по всему Разрубу. Морволунд обходил низины, в которых притаилась незримая гибель. Усеянные обломками костей, они говорили: смерть рядом.

Она и так ближе, чем кажется.

Ночами Морволунд и Нмахт сторонились друг друга. И когда свинцовые сумерки зальют землю, Морволунд часами наблюдал за какой-нибудь извергающей раскалённую кровь горой. Оранжевая, а иногда и алая, она била из кратера и струилась по склонам извилистыми реками. Кровь всё лилась, пока изнурённая гора, наконец, не умирала. Затихали гулкие стоны. Иссякал неукротимый дух горы, который становился вездесущим серым прахом.

Разруб остался позади. Путешественники, наконец, вышли на открытое пространство.

Морволунд вглядывался в отливающий синевой горизонт. Сердце странника учащённо забилося. Легенды не врал! Где-то там точно есть могучий океан! Он должен быть!

Нмахт вопросительно посмотрела на спутника, замершего, точно степной пёс на охоте. Не говоря ни слова, он махнул рукой и отправился дальше. Нмахт покорно последовала за ним. Она потихоньку научилась понимать некоторые жесты своего немногословного спасителя и даже кое-что из его удивительного звучного и убаюкивающего наречия. Но Нмахт никак не могла взять в толк, почему он с такой одержимостью рвётся в безлюдный Край Бездн? Что он там ищет?

Если б она знала!

Миновал ещё день. Морволунд же, казалось, позабыл про усталость. Почувяв терпкий запах йода и соли, он упрямо шёл вперёд. Он не смел верить в происходящее. Его мечта вот-вот исполнится!

И когда горизонт прояснился, Морволунд остоленел от увиденного. Судорожно вздохнув, он созерцал открывшуюся и бесспорно величественную картину.

Но совсем не ту, которую так жаждал.

Посох выпал из ослабевшей руки. Подобно изваянию, Морволунд застыл у циклопического каньона, величайшего из всех. Отвесные склоны с гигантскими уступами уходили на головокружительную глубину и терялись в мутной мгле. И чудовищная пропасть, глубины которой не знали света Цунналаса, тянулась во все стороны насколько хватало глаз. Истинный край земли, за которым нет ничего, кроме неисповедимых бездн.

Нет безбрежной водной глади. Только уродливая рана с россыпью гнилых озёр в её котловинах. Мутные зеркала воды слепо отражали безликое небо и бесконечное отчаяние Морволунда.

Путь дальше уже невозможен и лишён смысла.

День умер окончательно. Морволунд с уже прижавшейся к нему Нмахт переживал ночь. Оба давно не ели. Поднявшийся ветер пытался убить тепло их тел, но просторной, пусть и сильно поношенной одежды Морволунда хватало на двоих. Сплетясь в вынужденных объятиях, уставшие странники заснули, уже не заботясь о дозоре.

Сменялись годы, которые Морволунд и Нмахт оставили позади. И пока они пересекали угасающий мир, в них теплилась надежда. Среди омертвевших земель горел огонёк жизни. Трудная и смертельно опасная дорога сблизилась их сердца и души, которые связали невидимые и столь прочные узы.

Одинокие в задыхающемся мире, они обрели своё счастье. Морволунд по-прежнему стремился к знаниям, но опустевшие земли стали скупы на дары. Всё меньше следов цивилизации. Лишь опустевшие стоянки последних людей, несущие едва уловимые следы омерзительного конца. Смерть уже не просто неотъемлемая часть каждого живого существа.

Она стала действительно Всем.

Планета почти не дышала. Лишь участвовавшие агонизирующие всплески пыльных бурь, сметающих последние упоминания о человечестве. Даже если оно ещё и существовало, то теперь безнадежно разделено колоссальной пропастью в пространстве и времени. Некогда суровый, но ставший по-настоящему смертоносным климат и непроходимые земли похоронили надежду Морволунда что-либо узнать о мире за пределами исследованных рубежей. Он обошёл так много.

И так мало.

Но даже в беспросветном ужасе повседневности Морволунд хранил веру в Великую Встречу. И в ту, которую давно полюбил.

Грея друг друга ночами, Морволунд и Нмахт, подобно невзрачным степным травам, упорно цеплялись за жизнь. Они верили в лучшее будущее и гнали прочь страшную правду.

И переживая в каменистых останцах особенно свирепую бурю, Морволунд обнял возлюбленную. Положа руку на её округлившийся живот, он чувствовал биение новой жизни.

Поразительно. Даже в безраздельных владениях смерти нашлось место и для неё.

Но в назойливом жужжании его мыслей скрывалось нечто, что Морволунд прогонял всеми доступными способами. Делами, исследованием и Укреплением Духа, которому он обучал Нмахт. Но даже его воля иссушалась кровососущими мухами сомнений и страшной правдой.

У мира нет будущего. Как и у Морволунда с Нмахт.

У Созлти.

И, что самое страшное, это понимала и Нмахт. Если б не любовь, то источник их жизни уже давно бы поглотили вечно голодные пески.

Буря усилилась. Обезумевший ветер выл и ярился. Стонала древняя скала.

Морволунд с опаской поглядывал на приютивший их останец. Когда грянул ураган, и помчались огромные смерчи, выбирать не приходится. Оставалось надеяться, что торнадо пройдут стороной.

Взвизгнул ветер, и затрещал камень.

В роковое мгновение Морволунд увидел, как рушится останец. Следом в глазах взорвались искры, и мир погас, унеся с собой вспыхнувшую боль.

Тьма не мертва. И она осязаема. Податливая, словно вода. Вязкая, точно смола и тяжёлая, будто грех, и она давила на Морволунда со всех сторон.

Морволунд дёрнулся и... очнулся.

Повсюду был песок. И боль.

Пульсирующая в теле, руках и ногах, она сводила с ума. Морволунд в панике прорывался сквозь душащий его песок. Давящий и всепроникающий, он забивался в одежду, под ногти, рот, нос и глаза. Подобно земляному червю, Морволунд старался выбраться из плена. Но сильнее ощущения близкой смерти у него был совсем другой страх.

Нмахт.

Выбравшись из песчаной могилы, Морволунд, не обращая внимания на боль в многочисленных ранах, бросился на поиски возлюбленной. Рухнувший останец рассыпался на груды обломков, словно курган. Камни разных форм и размеров усеивали землю широким полем.

— Нмахт!

Тишина.

Выкрикивая её имя снова и снова, Морволунд, сдирая руки в кровь копал у каждого валуна.

— Нмахт!

Махт... ахт... хт, — вторило эхо, скачущее среди других покорёженных останцев.

Драгоценные минуты поисков утекали, как песок сквозь израненные руки иступлённо ищущего Морволунда. Затем они стали часом. А потом время остановилось.

Но даже невероятная выносливость его в конце концов подвела. Рухнув без сил, Морволунд уже не хотел вставать. Его затопило такое горе, о котором он никогда ещё не догадывался.

Одинокий странник брёл по пустыне.

Но это была не великая и судьбоносная Пустыня Нактрагол, оставшаяся во многих тысячах днях позади. А очередная безымянная пустошь, которая некогда была плато Кружева Озёр.

Теперь от них остались только пустые котловины и воспоминания. Земля ссохлась и пошла трещинами, грубыми, как морщины на лице странника.

Морволунд тяжело опирался на кривую палку, заменившую давно утраченный посох. Стиснув её узловатыми пальцами, словно боясь выронить, он смотрел на Безымянную Твердыню. Если бы не она, Морволунд уже не узнал бы родных мест.

Некогда населённое несколькими общинами и племенами, плато совсем обезлюдело. Нетвёрдой походкой, выдававшей безграничную усталость, Морволунд поплёлся к месту Великой Встречи.

В разбитом и давно умершем сердце уже не теплилась надежда. Сталь веры почти рассыпалась. Уже не нужны формулы Укрепления Духа. Столь надёжные и неоднократно спасавшие жизнь, они забылись навсегда.

Морволунд с усталым вздохом сел у подножия башни. Суставы болели нещадно. Теперь торопиться некуда.

Энкмас, Наорвуул и Седац... Сидэц... Где же вы?

Смеркалось.

Морволунд уже не таким острым взглядом посмотрел на густеющее небо. Острые огоньки звёзд выглядели чуть расплывчатее, чем раньше, но всё равно прекрасны.

И так же безразличны.

Давно скрылся из виду Глаз Сибона. Появился Посох Путника.

А с ним и Туманные Сёстры.

За последние годы Морволунду эти небесные хвостатые гости попадались всё чаще. Яркие, словно звёзды, но закутанные по краям в бледные и размытые одеяния, словно призраки. Одни помельче и невзрачней, а другие крупнее и куда величественнее. Словно застывшие в одной точке, они со временем неуловимо смещались. Одни становились ярче, а другие, тускнея, исчезали навсегда. И так похожие друг на друга, словно сёстры.

По небосводу чиркнула звезда. А за ней ещё одна.

Морволунд любовался потоком звёздного дождя, вспыхивающего, словно искры. Мир стал настолько дряхлым, что небо теперь осыпается повсюду, а не только в Долине Рухнувших Звёзд.

Посох Путника взошёл полностью, но так никто и не пришёл.

Угасла последняя надежда. Все знания, накопленные Морволундом за сорок лет, остаются только с ним. Но слабеющая память уже растеряла так многое...

Одна из Туманных Сестёр приблизилась к северной части горизонта. Огромная, словно Цунналас. Разгораясь всё ярче, она пропала из виду, оставив после себя длинный след.

Безмолвно вспыхнул север, и стало ярко, как днём. А затем по тишине ударил эсхатологический грохот.

Глядя, как от нарастающего зарева отхлынули окрасившиеся кровью тучи, Морволунд устало улыбнулся. Он ещё никогда не видел ничего прекраснее.

Алиса Горислав ЛИШЬ ЭХО

Алиса Горислав родилась в Перми, живёт в Санкт-Петербурге, работает вычислительным химиком. Пишет прозу, часто — мистику, основанную на коми-пермяцкой мифологии. Засветилась в паре антологий хоррор-хайку и лавкрафтианского хоррора, а также в журнале Darker. Состоит в Союзе литераторов.

Пустыня не знала жалости. Она не знала времени.

Здесь не было путей, кроме тех, что оставляли те, кто ушёл раньше, и тех, кто больше не вернулся. Песок помнил шаги, но не хранил их — он сдувал их, перемешивал, превращал в ничто. Только камни остались от былых времён, да голос ветра, который напоминал, что никто здесь не хозяин.

Э чертил, что если идти долго вперёд, чтобы жар-око заснуло трижды, то можно выйти в лучшее место из всех, что он видел, а видел Э немало. Раскинувшиеся под палящим зноем бесконечные пустыни, в которых ветер вечно гонял песок и всячески прихотливо его переставлял, перебирая песчинки невидимыми пальцами, то забивая их в глаза, если пожелать узреть ветер; огромные булыжники с тупыми краями, которые гиганты былой благодной эпохи раскидали в странном порядке, от попытки вдуматься в который начинала мучительно болеть голова; глубокие борозды, как раны, в земле, как будто гиганты волокли за собой камни, прокладывая достаточные для их стоп дороги, по которым после горделиво ходили, задрав головы к небу и не глядя под ноги; и булыжники поменьше, но они просто лежали на песке, хотя Э описывал их так красиво, что Ы тоже хотела посмотреть, пусть и не смогла вспомнить, что же такого Э нашёл в тех булыжниках поменьше.

Ы смотрела на его пальцы, вырисовывающие что-то новое. Линии были неясные, но точные, будто он рисовал не для того, чтобы объяснить, а чтобы запомнить. Он показывал дыру — не яму, не канаву, не трещину, а место, где земля была серой, твёрдой и не такой, как здесь. Где не было ветра, где песчинки не летали, где можно было бы спрятаться, не ёжась, не пряча лицо в колени. Может быть, он всё это видел. Может быть, он всё это придумал. Но Ы хотела верить. Она помнила, как однажды ночью Э сидел рядом с ней у самого края борозды, что походила на шрам от удара небесного тарана. Он показывал на звёзды, хотя знал, что они не светят ради живых, и говорил, что если пойти дальше, чем видит глаз, то можно найти место, где земля не шипит пламенем под ногами. Где песок не резал кожу, а ласкал её. Она тогда не поверила, но сейчас вспоминала тот момент так, будто он был началом чего-то важного.

О ему никогда не верил: всё твердил, что Э нас всех обманывал, нигде Э не бывал и ничего необычайного не видел, а только шуршал песками вместе со всеми, изредка отбиваясь от стаи... Он сидел чуть в стороне, ссутулив спину, и смотрел на Э с презрением. Он считал, что тот лишь извернулся, чтобы уйти вперёд, оставив остальных в одиночестве. Что Э — не странник, а беглец. Что он не видел ничего, кроме собственного отражения в воде, которую давно уже не найти.

Когда они были маленькими, старые рассказывали, что есть такие, кто может видеть то, чего не видят другие. Они называли их «следающими». Считалось, что таких нельзя трогать, потому что их глаза могли увести за собой весь мир. Но старые ушли. И теперь никто не знал, правда ли Э был одним из тех, кто видит вперёд, или просто выдумщик, которому хотелось быть первым.

Но теперь Э вычерчивал на влажном песке о чём-то новом — о дыре в земле, но не о борозде, а именно о дыре, которая была серая и твёрдая, а ещё внутри было не сухо, а ветер

туда не добирался и не кидался песчинками, иссекая вечно ноющие глаза. Может, на самом деле он приукрасил; может, на самом деле он описывал серый булыжник, который чуть-чуть не сломался пополам и в тени которого можно найти приют всей стае, если сжаться и замереть, не дёргаясь и не тыкая соседа острым сухим локтём; может, на самом деле он просто врал, но Ы заинтересовалась. Когда Э плёл чёрточки, Ы разлепила сухие глаза и вслушивалась в каждое слово, жадно глотала, как пахучую воду в трескающемся глиняном сосуде, от которой слезились глаза, но небо было благосклонно и плакало ради них, а потому стоило ценить.

Для Э каждый камень был голосом прошлого. Каждый след в песке — чьей-то судьбой. Он чувствовал, что земля не мертва, что она помнит, что она ждёт. Он не просто искал убежище — он искал смысл. Место, где всё будет понятно. Где больше не нужно будет выбирать между страхом и голодом. Где можно будет просто стоять и дышать, не оглядываясь. Когда они шли вместе, Э часто останавливался, чтобы показать что-то — трещину в камне, особенный узор песка, даже тень, которая лежала слишком ровно. Он делал это без рыка, просто указывал. Иногда Ы понимала, иногда нет. Но всегда чувствовала, что он хочет ей что-то сказать. Что он пытается донести до неё нечто большее, чем просто путь в никуда и низачем.

Э был уверен, что надо идти, но О не согласился.

Они бросили вызов.

Стая — оставшиеся поодаль три тела, согнутые усталостью и страхом и не рискнувшие ввязываться в падаль — наблюдала за ними в тишине: никто не рискнул ни подвывать, ни верещать, ни повизгивать — и было в том что-то величественное, как в разложенных древними придиричиво камнях. У каждого из них были свои способы выживать. Один закапывал лицо в песок, чтобы не слышать ветра. Другой жевал обрывки кожи, содранные со своих же ног. Третий всё время оглядывался, словно за спиной могло быть что-то лучше, чем впереди. Они давно перестали быть людьми, но ещё не стали ничем другим. Их тела двигались, потому что мышцы помнили движение, даже если голова уже давно сдалась и замолчала.

О встал первым. Его тень, вытянутая закатом, легла на песок и поползла к Э — длинная, неестественно тонкая, будто сама по себе, без хозяина; и ветер смолк, словно притаился, ожидая, когда окутает песком новую жертву. О рыкнул: считал, что Э желал, чтобы все шли за ним, пока не упадут замертво, а это право О — вести всех за собой; а Э глядел на О, как смотрят на камень, который долго катили по песку, а теперь он упал в трещину и не хочет вылезать обратно. В глазах Э всё ещё мерцало то, что видел он один — или придумал. Ещё до того, как О встал, Ы почувствовала холод в груди. Не от страха, а от понимания. Что-то должно было случиться. Она видела, как взгляд О скользнул по плечам Э, как сухой язык облизал потрескавшиеся губы. Она знала этот взгляд — такой бывает у тех, кто давно ждёт повода, чтобы убить.

О всегда чувствовал себя стражем. Не вожаком, не царём, а тем, кто стоит на грани — между хаосом и порядком, между голодом и сытостью, между хождением и падалью. Он не верил в пути, по которым никто не ходил. Не верил в места, о которых рассказывают, но не находят. Он верил в стаю. В её гомон, в её движения, в её дыхание. И потому не мог простить Э его взгляд вдаль. Это было изменой.

Ы стояла чуть в стороне, обхватив себя руками, и ждала. Она хотела верить, но боялась, ведь О будет зол.

Э мучительно простонал: нет, он не отступит от своих видений.

И тогда О двинулся на него. Сначала медленно, почти неслышно, потом быстрее, как порыв ветра перед бурей; он бросился на Э с криком, который был больше, чем он сам, заключённый в иссохшем теле, — вырвался из груди, разорвал воздух и ударил в лица остальных. Э едва успел отклониться, когда рука О, сухая и жилистая, просвистела рядом с его горлом.

Они сцепились.

Не было правил, только боль. Не было места для мольбы — только зубы, ногти, кровь. Они катались по песку, хрипя, цепляясь друг за друга. О был сильнее, но Э двигался быстрее.

Однако силы были неравны: О давно уже готовился к этому моменту, он носил свою ненависть внутри, как каменный нож — спрятанный, заточиваемый тайком ото всех монотонными ударами по камням древних, но всегда наготове. Когда Э попытался вырваться, вертаться и катаясь, забивая в рот, нос и глаза песок, О схватил его за горло и прижал к земле. Лицо Э побагровело, глаза выкатились, как две песчинки, зажатые между пальцев ветра.

Ы поняла, что это конец.

О хрипел, рычал, уверенный, что никто не пошёл бы за Э, потому что никто его не знал, кроме как чудака; Э — не великий странник, а жалкий беглец.

Э попытался дёрнуться, но пальцы О впились глубже. Кровь из разбитой губы потекла по подбородку, капала на песок, исчезала в секунду. Глаза Э туманились, веки дёргались.

Ы закричала. Но никто не бросился ему на помощь. Никто не пошевелился. Только её голос дрожал в воздухе, слабый, беспомощный.

И тогда О с силой ударил головой Э о песок.

Э извивался, руки его цеплялись за запястья О, ногти впивались в кожу, но пальцы врага держали крепче камня. Воздух уходил, исчезал, как вода в раскалённой глине. Голова моталась из стороны в сторону, веки подёргивались, словно пытались увидеть что-то, чего уже не было.

Тогда О потянул его вниз.

Не камень, не край земли — только песок. Он придавил голову Э ладонью, вжав лицо в сыпучую массу, и песок хлынул в нос, в рот, в глаза — слепой, глухой, равнодушный. Э пытался вырваться, дёргался, но всё слабее, всё медленнее.

Пальцы Э судорожно взметнулись в последний раз, будто хотели нарисовать в воздухе тот самый чертёж, который он вычерчивал на песке. Но не нарисовали ничего. Упали, впечатались в сыпучую землю, остались лежать.

И тогда О отпустил его.

Голова Э осталась в песке. Не видно было лица, только очертания, как след от чужого шага, который ветер сметёт через мгновение. Песчинки оседали на теле, будто земля сама по себе решила его прикрыть.

Хрип был глухой, окончательный.

Тело Э обмякло.

О отпустил его и отступил назад, тяжело дыша. Из уголка его рта сочилась кровь. Он посмотрел на лежащего, на Ы, которая бросилась к нему, но не знала, что делать — ведь мёртвых не будят, даже если они обещали показать лучшее место из всех, что видел глаз. Мёртвые никогда не вставали, они застывали совсем-совсем.

Песок начал снова шевелиться. Ветер вернулся, осторожно перебирая волосы на голове Э, будто хотел понять, жив ли он ещё. Но он не дышал.

Стая молчала.

О оглядел их, затем перевёл взгляд на горизонт, где солнце опускалось в пески, как будто уходило прочь от всего этого; и зарычал — но никто не посмел возразить, а Ы всё сидела у тела Э, прижав его голову к груди, и беззвучно и солёно плакала — не потому что он стал падалью, а потому что она всё ещё хотела верить, что там, впереди, действительно есть место лучше.

Ы ушла от стаи. Для других стая была защитой и способом не обернуться падалью. Для Ы — клеткой. Она любила её, но боялась, как бояться темноты, которая не отпускает ни на шаг. В ней всегда жило что-то лишнее — мысли, которые не подходили для общих слов, желания, которых не поняли бы. Теперь же она шла одна, и это было страшно. Но впервые — свободно.

...Ы ушла не сразу. Сначала она сидела, прижав к себе голову Э, будто могла удержать в теле то, что уже ушло. Ветер осторожно перебирал волосы на его затылке, как будто тоже не верил, что тот больше не дышит. Она чувствовала песок под коленями, горячий даже сквозь кожу, но не двигалась. Только слёзы падали на лицо мёртвого, редкие, тяжёлые, почти чужие.

О не остановил её. Никто не остановил.

Когда жар-око снова проснулось и встало над горизонтом, Ы встала следом.

Она не оглянулась.

Песок обжигал ноги, словно был живым и знал, что она босая. Каждый шаг оставлял след, который тут же стирался ветром. Ей было трудно дышать — воздух казался плотным, как вода, и всё равно он не утолял жажду. Губы потрескались ещё раньше, чем она прошла первый день. Язык распух, превратился в деревяшку, и каждый раз, когда она пыталась сглотнуть, внутри щекотало, как от песчинок.

Она шла.

Мимо камней, которые Э описывал «разбросанными мыслями гигантов». Они лежали, как забытые слова, без формы и цели. Один был такой большой, что казался холмом. Другой — треснувший, будто кто-то пытался его разбить, но не сумел. Третий был круглый, как глаз, и Ы долго смотрела на него, прежде чем отвести взгляд.

Она не знала, куда идёт.

Только помнила чертёж на песке. Место, где нет ветра. Где земля серая и твёрдая. Где можно спрятаться, не пряча лицо.

Иногда ей казалось, что это была правда. Иногда — выдумка. Но она шла.

Ночью холод сковывал кости, и она сворачивалась в клубок, чтобы не потерять тепло. Песок под ней становился твёрже, как будто застывал. Звёзды светили, но не согревали. Утром она вставала, потому что не могла лежать — лёд в теле начинал таять, и вместе с ним уходила решимость.

Жажда не отпускала.

Она лизала губы. Слюны не осталось. Язык прилип к нёбу и опух. Горло пересохло. Время от времени она находила комья засохшей травы, валявшиеся между камнями, и жевала их, хотя вкус был горьким. Иногда видела следы других — старые, полузатёртые, но всё же следы — и думала, что они тоже искали одно и то же.

Песок помнил.

Не так, как помнят тела. Он не хранил лица, не знал имён. Но он запоминал шаги. Каждый отпечаток оставлял в себе след — едва заметный узор из песчинок, которые когда-то коснулись кожи, ногтя, пятки. Он видел, как ступали те, кто шёл до неё. Как падали. Как умирали. Песок не судил. Он просто лежал, переливаясь под светом жар-ока, будто ждал, чтобы рассказать кому-то свою историю.

Ы шла, и каждый её шаг тоже оставался в нём.

Иногда она замечала, как следы других внезапно обрывались — будто тело исчезло посреди дороги, или его забрала пустыня, или он сам решил больше не двигаться. Она старалась не смотреть на эти места, но они притягивали взгляд, как тени между камнями. Однажды она наступила на плоский камень, где песок был особенно плотным. Подняла глаза — и ей показалось, что вдали кто-то стоит. Не тело. Не падаль. Просто силуэт, без лица, без движения. Она моргнула — и его не стало.

Это было не видение падаль-видящего. Это было что-то другое.

Что-то, что тоже шло этим путём. Но не рядом. А внутри.

День за днём.

Песок, песок, песок.

И камни. Много камней.

Она проходила мимо них. Не останавливалась. Не хотела останавливаться. Потому что знала: если остановится, то больше не сможет идти.

И только когда жар-око закрылось в третий раз с тех пор, как она ушла, Ы увидела вдалеке нечто странное — очертания, которые не похожи на другие.

Но до них ещё далеко.

Она не торопилась.

Ей некуда спешить.

И только когда жар-око закрылось в третий раз с тех пор, как она ушла, Ы увидела вдалеке нечто странное — очертания, которые не похожи на другие.

Но до них ещё далеко.

Она не торопилась.

Ей некуда спешить.

Это был не побег. Это был путь. Каждый шаг был ответом на вопрос, который задала пададь Э. Каждая рана на ногах — печатью, что она не осталась там, где её хотели оставить. Она не знала, куда идёт, но знала одно: если остановится, то станет такой же, как все — без лица, без цели, без памяти.

В голове у Ы звенело. Не от жажды, не от голода, а от мыслей, которые всё чаще путались между собой, как песчинки в вихре. Иногда ей казалось, что Э шёл рядом. Что его шаги не исчезли вместе с телом, а остались где-то позади, в следах, которые ветер уже затёр. Она не оборачивалась. Боялась, что если обернётся, то увидит лишь пустое пространство, где раньше неизменно стоял, наблюдая издали за стаей, Э.

Иногда она слышала голоса.

Не настоящие — те, что могли бы принадлежать кому-то живому. Эти были мягче, глубже. Они шептались в камнях, скользили под ногами, пробирались в дыхание с горячим воздухом. Говорили о том, что за пределами видимого есть место, где земля перестаёт быть врагом. Где нет боли. Где можно лечь и больше не вставать — не потому, что сил не осталось, а потому, что они больше не нужны.

Она мечтала о пещере.

Место из рисунка Э. Серое, твёрдое, неподвижное. Не яма, не борозда, не трещина — другое. Без ветра. Сухое, но не жгучее. Тёмное, но не страшное. Место, куда не заберётся песок, чтобы ранить глаза и заполнить рот. Каменные стены, широкие и неподвижные, как плечи древних. Пол, на котором можно лечь и не проснуться с болью в костях. И тень — не просто отсутствие света, а покров, который защитит от всего, что гонится за ней по пятам.

Она представляла, как внутри пахнет сыростью, хотя знала, что такого быть не может. Но всё равно верила, что там будет прохладно. Что камни будут помнить её имя, даже если она сама его забудет. Что кто-то давно уже ждёт её там — тот, кого она потеряла, или тот, кем хотела стать.

Иногда ей хотелось, чтобы это была правда.

Иногда она думала, что Э всё же знал, о чём говорил. Что он не просто рисовал линии для красоты, не просто играл словами, чтобы показаться важным. Он видел. Не глазами — чем-то большим. И теперь эта вещь, которую он видел, ждала Ы. Где-то впереди, за последним холмом из песка и камней.

И она шла.

Тихо. Медленно. Больно.

Но шла.

Её тень становилась тонкой, почти прозрачной и незримой. Иногда она исчезала совсем, особенно когда солнце стояло прямо над головой. Ы начала бояться этих мгновений — когда не видно даже тени, будто тебя никогда и не было.

То, что она увидела, не было похоже на камень.

Она заметила что-то необычное на горизонте ещё задолго до того, как подошла близко. Сначала ей показалось, что это ещё одна игра света, ломающегося на краю земли; обман, который пустыня шлёт тем, кто слишком долго шёл без отдыха. Но очертания не исчезали, даже когда Ы шурилась. Они не дрожали, как раскалённый воздух над песком. Они не двигались, не таяли, не прятались. Это было нечто другое. Она шла, а они оставались.

Постепенно Ы поняла: это не камень.

Она подошла ближе и замедлила шаг.

Сердце забилося быстрее. Она не знала, почему. Возможно, потому, что впервые за долгие дни видела нечто, что не походило на пустыню.

Это было углубление в земле, прикрытое нагромождением обломков, почти скрытое от глаза; это был вход. Он был низким, будто кто-то или что-то хотел его спрятать. Или защитить. Не яма, не канава, не трещина — именно то, что Э вычерчивал на влажном песке перед обращением в падаль. Стена из серой земли, покрытая слоями времени, будто сама пустыня устала и легла здесь отдохнуть. Вход был низким, почти скрытым за нагромождением обломков, словно кто-то или что-то не хотел, чтобы его находили случайно.

Ы остановилась в нескольких шагах.

Воздух вокруг был другим. Не таким, как в пустыне. Он не дрожал от жары. Не нёс песчинок. Он был тихим. Почти живым. Она потянула носом — запаха не было, но внутри всё равно возникло странное ощущение: как если бы пещера знала о ней. Как если бы ждала. Он был... как во время дождя — сырым. Солнце стояло высоко. Горло пересохло. В голове слегка кружилось — слишком долго она не пила. Пальцы дрожали.

Она опустила на колени.

Пальцы коснулись края входа — земля была прохладной, даже не влажной, а какой-то глубоко холодной, будто внутри скрывался источник, невидимый глазу. Песок у самого порога лежал спокойно, без следов ветра. Будто его сюда не пускали.

Ы закрыла глаза.

И слышала. Где-то глубоко внутри — не голоса, не мысли, а нечто между ними. То, что невозможно выразить словами, но можно почувствовать кожей, костями, сердцем. Что-то древнее. Что-то, что помнило.

Она заглянула внутрь. Темнота поглотила взгляд.

Ы медленно поползла внутрь.

Руки скользили по стенам. Камень цеплялся за кожу, оставлял царапины, но не больно. Это были знаки. Отпечатки пути. Чем дальше она ползла, тем темнее становилось, пока свет совсем не исчез. И тогда стало легче дышать.

Пещера приняла её.

Не как стая. Не как О. Не как те, кто молчал, когда Э умирал. Здесь не было стаи. Не было страха. Только тишина. И возможность быть просто собой — уставшей, одинокой, живой.

Ы остановилась.

Легла на спину. Подтянула колени к груди. Закрыла глаза.

Грудь сдавило, дыхание стало коротким и частым. Ей показалось, что она задыхается, хотя воздух был таким же, как всегда. Только теперь казалось, что он не доходит до лёгких.

Страх.

Она знала этот вкус — металлический, кислый, как кровь во рту. Когда мысли разбегаются, а тело становится чужим. Когда хочется бежать, но нет сил даже встать. Она прижала ладони к лицу, закрыла глаза, считая удары сердца. Медленно. Ровно. Как учил Э, когда ветер бил в лицо, и каждый шаг давался через боль.

Дышать. Просто дышать.

Когда дыхание выровнялось, она подползла к самому входу. Коснулась земли. Она была прохладнее, чем песок вокруг. Почти приятной. Никаких знаков, никаких следов животных. Только пыль, осевшая за много снов жар-ока.

Воздух был плотнее, холоднее. Не свежий, не влажный — просто другой; и Ы вспомнила первый дождь. Не тот, что падал на землю — таких почти не бывало. А тот, что шёл внутри неё. Когда ребёнок внутри ещё не мог говорить, но уже хотел дышать. Дождь был горячим и холодным одновременно. Он лил из глаз. Из груди. Из рук, сжимающих воздух, которого не хватало. Она не знала, что это дождь, пока кто-то не назвал это так. Теперь же, лёжа в тишине, она

чувствовала, как он снова начинается где-то глубоко внутри. Медленный. Беззвучный. Невидимый.

В темноте не было света, но были тени. Не те, что отбрасывает солнце, а другие — более древние. Они двигались не вместе с ней, а внутри неё. Одна принадлежала Э. Другая — О. Третья — кому-то ещё, кого она забыла. Они не говорили. Не шевелились. Просто были. И смотрели. Ждали. Как будто и они искали одно и то же место, куда можно лечь и больше не вставать, ведь больше не о чем было мечтать и нечего желать.

Она колебалась.

Если там кто-то есть? Если земля просела и пол провалится под ногами? Если это ловушка?

Но другого пути не было.

Ы поползла внутрь.

Руки скользили по стенам, оставляя следы на пыли. Наткнулась на остриё, едва не завопила. Услышала, как эхо её движения отскочило вглубь. Остановилась. Ждала. Ничего. Ы ползла дальше, пока свет совсем не исчез. Тогда стало легче. Не потому, что стало лучше, а потому, что больше не нужно было смотреть на бесконечную пустыню, которая тянулась за спиной. Её тело знало больше, чем голова. Оно помнило, как упрямиться и шагать по песку, даже если ноги не слушались. Как спать, когда страх не давал закрыть глаза. Как глотать, когда во рту не было ничего, кроме пыли. Оно знало, как дышать, даже когда грудь сдавливало. И вот теперь оно знало, как войти внутрь. Не потому, что разум решил это сделать, а потому, что тело помнило, что такое безопасность. Даже если голова давно забыла.

Там, внутри, не было ни голосов, ни видений, ни тепла. Только тишина. И возможность лечь. Закрывать глаза.

И впервые за изматывающе жаркие, бесконечные дни — не чувствовала боли.

Ы лежала, и ей показалось, что она забыла своё имя. Не сразу. Постепенно. Слово выцвело, как кожа под жар-оком, как след на песке, который сдувает ветер. Она пыталась вспомнить, как её звали раньше, до пути, до Э, до того, как всё стало сложным. Но мысли были медленные, как старый камень, скатывающийся по склону. Возможно, её звали так же, как всех. Возможно, имя было особенным. Но теперь оно не имело значения. Теперь она была просто тем, кто пришёл и дошёл.

Она заплакала — мучительно, хрипло, навзрыд.

Столько идти, преодолевая усталость и не останавливаясь; борясь со сном, потому что спать в одиночестве никогда не безопасно: оставались тела, которые охотились на другие тела, чтобы превратить тех в падаль, потому что считали такое нужным, потому что боролись за воду в глине, потому что хотели; борясь с жарой и кутаясь в обрывки тряпок, тонкую прослойку между кровавыми ожогами от пакостного жар-ока, никогда не милосердного; прячась в песке и среди редких камней по ночам, замирая, чтобы никто не приметил, потому как у других тел встречались особо зоркие глаза, могущие рассмотреть малейшее движение.

Столько идти — для чего?

Ы не могла вспомнить, зачем стоя постоянно шла и куда шла. Зачем их нескончаемая дорога, от которой не оставалось никогда даже следов? Когда-то стоя была больше, да, однажды по шагам О следовало больше тел, но многие превратились в падаль. Кто-то упал, когда разбил сосуд с каплями небесной воды, посланной благостным незримым существом, отчего-то не отвернувшись от последних трепещущих тел, скорее падали, чем ходящих. Влага ушла в песок, как будто земля сама хотела лишить их последней надежды. Он умер не сразу. Он катался по земле, вырывая клочья волос, царапал лицо до крови, будто хотел выцарапать мысль, что воды больше нет. Его глаза высохли, превратились в два кусочка стекла, потрескавшихся от жажды. Кто-то упал, когда изрезал себе ступни о камни, а песок был такой жгучий, что встать не получалось, и ноги ныли и горели, и было больно, как Ы сейчас. Кто-то пыталась

исторгнуть дитя из чрева, но не получилось, потому что он шёл ногами вперёд, в итоге обратив падалью и себя, и мать, и после того случая Ы избегала противоположных, не предаваясь объятиям, чтобы не истечь кровью на горячий песок, рыдая и разрывая себе глотку воплями. Кто-то наткнулся на других — и те создали падаль, на какую Ы даже смотреть не могла, настолько это было противно и безумно, настолько ненормально и дико, что ходящие уж точно не могли сотворить подобной мерзости. Кто-то шёл до тех пор, пока его ступни не обнажили кости. Он останавливался, только чтобы содрать кожу с пальцев, чтобы хоть немного смягчить боль. В конце он уже не кричал. Только хрипел. И этот хрип до сих пор звучал у Ы в голове. Кто-то начал видеть сквозь кожу. Сначала он просто шурился, говорил, что понимает, как бьётся сердце другого, по цвету его губ. Потом стал уверять, что может различить мышцы под плотью, вены, ритм дыхания. Однажды он набросился на одного из своих, разорвал ему живот, чтобы увидеть правду. Он не был злым. Просто больше не мог смотреть на тела. Внутреннее стало единственным настоящим для него. Его связали, но он всё равно шептал, описывая внутренности тех, кто подходил ближе. Говорил, что знает, кто умрёт первым. И ошибся лишь на день. Кто-то потерял голос, но не перестал кричать. Его горло высохло изнутри, будто само отказалось быть частью тела. Крики выходили через нос, через глаза, даже через поры. Никто не знал, как он это делал. Но каждый слышал его внутри себя. Даже когда ушли далеко, этот крик продолжал жить в голове, будто застрял между мыслями, как заноза, которую невозможно достать. Кто-то превратился в ходячую рану. Его кожа начала отслаиваться сама собой, как пергамент, обнажая мышцы, которые теперь дышали вместо лёгких. Он не просил помощи, потому что не чувствовал боли. Только холод и тепло. Он умер, когда песок забился в открытые ткани, и те начали гнить. Запах был таким, что другие стали терять зрение. Не сразу. Постепенно. Как будто их глаза отказывались видеть мир, где возможно такое. Кто-то начал есть камни. Не потому что хотел. А потому что его желудок больше не принимал плоть. Он говорил, что камни дают силы, что они помнят воду. Он лизал их, грыз зубами, пока те не стёрлись до крови. Когда он упал, его раскрыли — внутри были только острые углы и кровавый песок. Кто-то исчезал на несколько дней, а потом возвращался. Не говорил, куда уходил. Не ел. Не пил. Но всегда приносил с собой частичку чего-то — кость, обрывок кожи, волосы, которые не могли узнать. Однажды он принёс глаз. Человеческий. Все знали это. Он лежал у него на ладони, будто ждал, чтобы снова увидеть свет. Тогда его прогнали. Но он всё равно следовал за стаей, шагая чуть в стороне, как тень, которая устала быть невидимой.

Один из стаи начал терять чувствительность кожи. Не от жары, не от ожогов — от чего-то внутри. Потом он заметил, что на его руках образуются странные узоры — будто под кожей кто-то двигается. Он кричал, когда понял: его тело стало домом для множества мелких существ, которые питались не плотью, а ощущениями. Он не чувствовал боли, потому что она была повсюду. Его глаза вытекли первыми. Остальные видели, как из ноздрей выползают полупрозрачные червячки, тянущиеся к свету. Он шёл ещё долго. Думали, что он стал слышать мысли других. Но никто не хотел быть услышанным. Но все знали, что он сам себя резал — толстым и грубым каменным ножом, заточенным под покровом ночи на одной стоянке.

Один из стаи начал забывать себя. Не сразу. Сначала он перестал узнавать рычания и ворчания тел. Затем лица. Потом он забыл, что такое звук. В конце он забыл, что он тело. Он рисовал что-то про города, которых не было, про людей, которых не знал. Иногда он плакал, не понимая почему. Однажды он просто замер, глядя на свою ладонь, и заворчал. Никто не понял его боли. Он не умер. Просто исчез, не двигаясь.

Одна из стаи потеряла вкус. Она перестала различать горькое и сладкое. Потом стала есть всё подряд: песок, камни, собственную кожу. Она объясняла, что теперь знает, как на самом деле пахнет мир — что мясо пахнет водой, что кости — как ветер, что кровь — как звёзды. Её рот покрылся язвами, зубы начали выпадать. Последними ушли глаза. Но она продолжала идти, шевеля обрубком языка, шепча, что теперь она знает вкус правды.

Один из стаи вдруг начал видеть не то, что есть, а то, что было или будет. Он писал, что видел, как Ы умрёт. Он показывал пальцем на места, где потом находили тела. Он плакал, когда указывал на Э, и говорил, что тот ещё жив — хотя тот был мёртв. Другие его побоялись. Они не хотели знать будущее. Особенно если оно неизбежно. Однажды он просто закрыл глаза и прописал: «Всё кончилось. Я больше ничего не вижу». И не открыл их никогда.

Один из стаи стал странно реагировать на солнце. Его кожа начинала светиться под определёнными углами. Потом он рассказывал, что видит картины — не свои, не чужие, а чьи-то древние. Он говорил, что это воспоминания мира, записанные в свете. Однажды ночью он попросил всех собраться вокруг него. Сказал, что сейчас покажет им всё. Его лицо стало белым, как бумага. Из глаз, рта и ушей потекло что-то прозрачное. А потом он заговорил — голосом, который принадлежал всем сразу. После этого он не двигался. Только кожа продолжала светиться. Кто-то попробовал прикоснуться к нему. Рука осталась слепой.

Один из стаи начал забывать, как быть телом. Он перестал говорить, потом ходить, потом держать голову прямо. Он ползал, как животное, вырывал куски плоти у мёртвых, хранил их за щеками. Потом он перестал различать живое и мёртвое. Однажды он набросился на самого себя, пытаясь съесть собственную руку. Когда его остановили, он смотрел на них пустыми глазами. Он не умер. Просто перестал быть собой.

У одного тела внезапно исчезли уши. Он писал, что не отрезал их, но все знали, что отрезал. Просто они стали плоскими, как будто растворились в коже. Он чертил, что теперь может слышать звуки, которые раньше были недоступны телам — голоса земли, песню камней, крик воды глубоко под песками. Он плакал, потому что не мог перестать слышать. Он просил его заткнуть, чтобы не слышать, как умирает мир. Но никто не смог ему помочь. Он умер с открытыми глазами, сидя на камне, слушая то, чего никто больше не хотел слышать.

Какое-то глубинное чувство внутри подсказывало Ы, что она долго не протянет. Ноги её кровоточили, а что за ходящий — без ног; и вода кончилась в сосуде, но, быть может, пещера её спасёт — может, одарит влагой, и надо только поискать, только поползти, проползти ещё немного, разгребая телом пыль и набивая синяки.

Столько идти — через плоть, которая отслаивалась от пяток, как жухлая трава; через глаза, что слезились не от боли, а от постоянного песка, который забирался под веки и точил их изнутри; через ночь, когда дыхание надо было сдерживать, чтобы не выдать себя тем, кто охотился на ходящее, потому что падаль не давала сил самим идти. Потому что спать нельзя. Никогда. Потому что сон — это пасть, раскрытая навстречу. Тело во сне расслабляется. А вокруг — тела, которые жрут друг друга за каплю влаги под ногтями или кусочек кожи на щеках. Тела, которые давно перестали быть людьми, но ещё не стали ничем. Они ползли по ночам, шурша позвонками, и искали тех, кто остановился. Кто уснул. Кто дал себе минуту слабости.

Ы знала: если закроешь глаза, то проснёшься внутри чьих-то зубов.

Жар-око не щадило никого. Оно плавало кожу, превращало губы в трещины, делало язык деревяшкой, прилипшей к нёбу. Одежда давно стала лохмотьями, которые не грели, а лишь напоминали, что ты когда-то был кем-то. Что ты когда-то думал, будто можешь защититься от мира. Теперь же между тканью и телом остались только гниющие порезы, в которые забивался песок, и каждый шаг был ударом, отдававшим в череп.

Она видела, как другие прятались среди камней, пытаясь стать частью пустыни. Но пустыня не принимала никого. Она просто ждала. Считала шаги. Запоминала, кто упал первым.

Иногда Ы замечала следы в песке — как не телесные от шагающих стоп, слишком длинные и размытые, будто кто-то полз, волоча что-то тяжёлое за собой. Иногда эти следы вели к телам, которых было не узнать — остались только обрывки плоти и кости, торчащие под странным углом. И она знала: это не стая. Это не О. Это что-то ещё хуже.

Столько идти — чтобы оказаться там, где даже тени боятся оставаться надолго.

Ы не могла вспомнить, зачем они двигались. Не помнила цели. Только движение. Бесконечное. Бессмысленное. Как будто сама земля была колесом, которое крутилось, перемалывая тех, кто наступил на него. Когда-то стая была больше. По её краям двигались тела, которые дышали, хрипели, стонали. Теперь их не осталось. Лишь воспоминания о них — как о чём-то, что существовало, но не имело формы и сути.

Теперь её ноги горели. Кровь сочилась сквозь трещины, и песок прилип к ним, как паразит. Вода закончилась. В горле пересохло до боли, до ощущения, что язык вот-вот лопнет.

Может, тут есть вода?

Может, тут есть тень?

Может, тут есть покой?

Ы лежала на спине, и дыхание стало тоньше, чем песчинки, что просачиваются сквозь пальцы. Тело больше не слушалось. Оно знало то, чего не хотела знать голова — всё кончилось. Она не умрёт от жажды или голода. Не убьёт её камень или зверь. Её убила сама возможность быть здесь.

Она не мучилась страхом — только усталостью. Такой, что даже мысли стали медленными, будто ползли по песку, который внезапно стал слишком глубоким, и плавилась, как глина в особо душные, испепеляющие дни.

Тогда она попыталась встать.

Не потому что хотела выжить и жить. А потому что поняла: нельзя просто исчезнуть. Нельзя лечь и стать частью тишины, как Э, как те, чьи следы ветер стёр с лица земли. Кто-то должен был знать, что она была. Что она была. Что она жила — жила никчёмную, полную песка жизнь, в которой были пять тел, одно из которых обратилось в падаль по воле другого; в котором шли друг за другом тела, кочевали по пустыне, терзаясь от голода и жажды, потерявшись среди песков и камней, ошмётков величия легендарных гигантов былого, каким под силу было поднимать руками, совсем не веточками, как у Ы, камни в небеса и ставить их друг на друга играючи легко.

Она приподнялась на локтях. Руки дрожали. Воздух шёл через боль, но шёл. Она потянулась к холодной каменной стене, и та обожгла ладонь сильнее угольного песка под стоящим жар-оком.

Пальцы нашли неровность — трещину, углубление, поверхность, которую можно было использовать. Ы провела ногтём, потом ещё раз. Буквы? Знаки? Образ? Она не знала. Просто чертила. Как Э когда-то чертил на песке. Как он показывал ей место, которого, может, и не существовало. Но которое она всё равно нашла.

Рисунок получился неясным. Недоделанным. Одна линия уходила вниз, другая — терялась в темноте. Последняя буква — если это были буквы — вышла корявой, словно кто-то другой двигал её рукой. Или сама рука уже не принадлежала ей.

Когда последние силы ушли, Ы опустилась обратно, упав спиной на пол и тяжело дыша. Грудь больше не поднималась. Глаза остались открытыми, но ничего не видели; они сохли и скрипели, хотелось моргнуть, но Ы, истратив все силы на хождение от стаи до пещеры, куда указал Э, не могла. Пещера приняла её окончательно — без звука, без света, без прощания.

Ы видела лицо Э: он улыбался ей, приветствуя, и был радостен, словно вдруг начался бесконечный дождь или отыскался нескончаемый оазис, до самой спальни жар-ока, куда то неизменно уходило; Ы видела лицо О: он осуждал её и был зол, он ненавидел за то, что не подчинилась и ушла, пусть и не стал рычать, когда уходила, не стал грызть и не побил до падали; Ы видела лица всех тех тел, какие следовали с ней и вместе с ней во время всего хождения. Те, с кем она обжигала ноги на песке и делила воду; те, с кем закапывала падаль в песок, чтобы та не досталась вечно алчущим зверям и не была разорвана в клочья; те, с кем рисовала палочкой на сыром песке, придумывая истории; те, с кем глядела на истории Э; те, с кем сторожила в

ночи, когда жар-око, наконец, изволило закрыться и не печь голову и кожу, сон других тел. Многих она не узнавала или узнавала так смутно, что и вовсе не могла отыскать памяти под песком времени; и правда, столько песка пройдено с той поры, как Ы сама была маленькой и немощной, но вынужденной ходить со стаей, чтобы стая не погибла. Маленький — это не повод обращать падалью других; маленький — это твоя собственная беда и проблема, с какой и исторгшее тебя тело не должно помогать справиться...

И только на стене, почти в полной темноте, остался след.

Не имя. Не картина. Не ответ.

А вопрос.

Маленький, неловко выцарапанный знак, похожий на глаз.

...и ничего не осталось, когда Ы потеряла дыхание.

Лишь эхо.

Тантриниэль ПЬЮЩИЙ СОЛЬ

Тантриниэль — современный визионер от литературы, специализирующийся на низовом сюрреализме и сплаттерпанке. Её творческий путь начался не в академиях, а на задворках интернета и на дешёвых книжных развалах, где пахнет пылью и чужими идеями. Она оттачивала стиль в тёмных углах сетевых форумов, мастерски сплавляя в своих работах откровенный телесный ужас, гротескный юмор и глубоко личный, почти исповедальный абсурд. Её тексты — это акты психологической декомпозиции, где привычная реальность разбирается на части, а затем собирается заново, но с перепутанными проводами и вставленными чужими воспоминаниями. Главные темы её творчества: тотальное одиночество современного человека, исследуемое через призму самых нелепых катастроф, и поиск смысла в мире, где его заменили корпоративные слоганы и инструкции к бытовой технике. Она не предсказывает будущее — она диагностирует настоящее через его самые болевые и неочевидные точки, используя в качестве инструмента патологической анатомии аллегории из плоти, крови и нарочито дешёвых спецэффектов.

1.

Солнце было старой, больной язвой на теле мертво-фиолетового неба. Миллионы лет назад оно перестало быть источником жизни, маленьким жёлтым диском, дарующим дни и ночи. Теперь, раздутое гравитационным удушьем и предсмертной агонией, оно превратилось в багровый пузырь, неподвижный и вечный, занимавший пятую часть небосвода. Оно не всходило и не садилось, лишь источало постоянный, кровавый свет вечных сумерек, который делал все цвета неправильными, а тени — глубокими и хищными. Тепла от него почти не исходило. Лишь тусклое, усталое свечение, едва пробивавшееся сквозь тонкую, протравленную космической радиацией атмосферу, и вездесущее ощущение пристального, слепого взгляда.

Наш мир назывался Гротом. Это была не пещера в старом смысле слова, а неглубокая, изломанная трещина в основании выветренного каньона, чьи стены время и ветер сточили до гладкости обкатанной морской кости. Воздух здесь был неподвижен и пах вековой пылью, сырым камнем и слабым, но отчётливым привкусом металла от воды, что сочилась в глубине. Снаружи, за пределами нашего шаткого убежища, простиралась Ржавая Пустошь — бесконечное пространство красно-бурой пыли, песка и щебня, бывшее когда-то почвой, горами, городами. Теперь это была однородная масса, конечный продукт энтропии, в котором глаз уже не мог различить ни одной знакомой формы. Мельчайшая пыль была прахом всего, что когда-либо жило, строило и умирало.

Никто не помнил, чем были те миры. Слова «дерево», «река», «облако» висели в воздухе как бестелесные призраки, абстрактные звуки, которые я, Хранитель, повторял в ритуальных пересказах. Я был библиотекой, в которой все книги обратились в пепел, оставив после себя лишь названия.

Нас было семеро. Последняя статистическая погрешность человечества.

Я, Ворр, хранитель этих бесполезных преданий. Моя задача — помнить и повторять слова, чтобы мышцы наших гортаней не забыли, как складывать их в речь. Это был наш единственный барьер против окончательного одичания.

Старый Ун, чьи циклы давно перевалили за предел, отмеренный для нас. Его глаза подёрнулись молочной плёнкой слепоты, а пергаментная кожа, казалось, вот-вот лопнет на острых

углах костей. Он был нашей живой историей, но его память уже крошилась, как старый песчаник.

Каэл, самый сильный. Его тело было узловатой, высохшей конструкцией из мышц и сухожилий, всё ещё способной натянуть тетиву лука. Лук был сделан из двух рёберных дуг давно съеденного предка и скреплен сплетёнными жилами. Стрелы с обсидиановыми наконечниками были нашим главным сокровищем. Сила Каэла была жестокой насмешкой в мире, где почти не на что было охотиться.

Сил, мать единственного ребёнка. Её существование свелось к одной биологической функции, которая в нашем мире была проклятием, а не благом. Её ужас был первобытным — ужас создателя, наблюдающего, как его творение медленно умирает от голода в мире, где изобилие осталось лишь в мёртвых словах. Девочку звали Ная. Её слабый крик был единственным новым звуком, который Грот слышал за десятки циклов. Но это был не звук жизни, а протест против неё.

И близнецы. Тихая, почти невидимая Лир и её брат Ор. Они двигались и говорили почти синхронно, их связь была последним рудиментом сложной социальной структуры, давно канувшей в небытие. Они были двумя половинками чего-то целого, и оттого их грядущее казалось ещё более чудовищным.

Наша жизнь состояла из циклов голода и скудной, безрадостной сытости. Каэл уходил в лабиринты каньона, иногда на много циклов. Иногда ему удавалось подстрелить бронированную пыльную ящерицу или поймать в силос слепого, похожего на червя пескороя. Тогда мы разжигали драгоценный огонь из спрессованного мха, который Ун десятилетиями соскребал со стен самых глубоких, влажных расщелин. Запах обугленной плоти сводил с ума, и мы жадно глотали жёсткие куски, обжигая пальцы и губы. Чаще Каэл возвращался с пустыми руками, и мы молча грызли сушёные личинки жуков, которых собирали под камнями. Безвкусные и хрупкие, они лишь притупляли боль в желудке.

Вода была божеством. Глубоко в Гроте, в самой дальней его части, в вечной темноте находилась Тёмная Щель. Из неё, преодолевая толщу породы, сочились влага. Капля... за ней ещё одна... и ещё. Медленно, как сама вечность. Она собиралась в каменной чаше, выдолбленной нашими предками. За один цикл сна мы набирали достаточно, чтобы каждый мог сделать несколько жадных глотков. Эта вода, пахнущая железом и древностью, поддерживала в нас тление жизни, но не утоляла вечную, экзистенциальную жажду, жившую в самой нашей крови.

Ужас, который положил начало нашему концу, пришёл не с неба и не из глубин земли. Он всегда был здесь, рядом, терпеливо ожидая, когда мы станем достаточно слабыми, чтобы его услышать. Имя ему было Великая Бель.

К востоку от нашего каньона, за низкой грядой ржавых скал, начиналась она — бескрайняя соляная пустыня, ослепительно-белая даже в багровых лучах больного солнца. Это было дно последнего высохшего океана. Мы не знали слова «океан», для нас это место было просто Белью. Место, куда нельзя ходить. Место абсолютной смерти.

Предания, которые я бормотал каждую ночь, чтобы отогнать тишину, гласили, что Бель зовёт. Что когда голод выскребает тебя изнутри, когда воля к жизни истончается до прозрачности паутины, ты начинаешь слышать её шёпот. Это была не песня сирены, не сладкие обещания рая. Это был зов чистой пустоты. Предложение стать ничем. Последнее и самое честное предложение во вселенной, уставшей от сложности. Это был зов к простоте. К возвращению.

Первым его услышал Ун.

2.

Всё началось с тишины. Не той, что всегда жила в углах Грота, а новой, звенящей. Она исходила от Уна. Каждый цикл после скудного дележа пищи я садился напротив него и начинал

ритуал: пересказ преданий. О Первых, что жили, когда солнце было маленьким и жёлтым. О мире, полном воды и зелени. О городах, что касались неба. Ун был моим камертоном. Если я ошибался в слове или интонации, он поправлял меня сухим, как треск ветки, голосом. Но в тот цикл он молчал. И в следующий. И через один.

Он перестал говорить. Он, чья память была нашим единственным архивом, просто замолчал. Днями напролёт он сидел у входа в Грот, повернув слепые, подёрнутые молочной плёнкой глаза на восток — туда, где за грядой ржавых скал невидимо дышала Бель. Его потрескавшиеся губы беззвучно шевелились, но не в ритме старых историй. Он вёл диалог с кем-то, кого мы не видели и не слышали.

— Старик совсем высох, — сказал Каэл, сдирая толстую кожу с ящерицы. Его нож из заточенного обсидиана двигался с хирургической точностью, отделяя скудную плоть от костей. — Скоро его тело не будет стоять даже того мха, что мы сожжём для него.

В его голосе не было жестокости, лишь холодная логика выживания. Мы были слишком близки к концу, чтобы позволить себе роскошь сантиментов. Каждый лишний рот был приговором для остальных. Но слова Каэла не задели меня. Я чувствовал другое. Это было не угасание. Это была трансформация.

Я подошёл к Уну и сел рядом на холодный камень. Ветер, пахнувший пылью и вечностью, шевелил его седые, редкие волосы. Он казался не частью Грота, а его продолжением, таким же древним и неподвижным.

— Ун? — позвал я. — Время историй. Они уйдут, если их не повторять.

Он не ответил. Я начал сам, мой голос звучал хрипло и неуверенно в огромной тишине. Слова казались мне ложью, сказкой для умирающих детей, чтобы они не сошли с ума от пустой комнаты. Я говорил и чувствовал себя глупо.

Внезапно Ун повернул ко мне своё лицо. Его слепые глаза, казалось, смотрели сквозь меня, в самую суть моего страха.

— Она поёт, — прошептал он. Голос его был сухим шорохом, будто по песку ползла змея.

— Кто поёт, Ун? — спросил я, хотя ледяной ком в животе уже подсказал ответ.

— Великая Бель. Она говорит, что там нет жажды. Там покой. — Он сделал паузу, облизнув пересохшие губы. — Она говорит, что пора выпить чашу до дна.

Холод, не имеющий ничего общего с ночной прохладой, пронзил меня. Белая Жажда. Так её называли в самых страшных преданиях. Это была не болезнь тела. Это была болезнь воли, капитуляция самого инстинкта жизни перед великим законом распада.

Ночью я видел, как он поднялся со своего ложа. Его движения были плавными, неестественно лёгкими для такого дряхлого тела. Он двигался как лунатик, ведомый невидимой нитью. Он вышел из Грота и пошёл на восток, не спотыкаясь, будто видел дорогу своими слепыми глазами. Я и Каэл, спавший чутко, как всегда, выскочили за ним.

— Старик! — крикнул Каэл, его голос был резким и злым от страха. — Стой! Ты не дойдёшь!

Ун не оборачивался. Его силуэт чётко выделялся на фоне чуть более светлой полосы неба над восточной грядой. Мы догнали его, схватили за костлявые предплечья. Его кожа была холодной, как камень, который пролежал в тени целый цикл. Он не сопротивлялся, но и не останавливался, продолжая механически переставлять ноги, волоча нас за собой.

— Там покой, — повторял он, глядя в пустоту перед собой. — Там нет ни голода, ни страха. Только белое. Только соль. Возвращение.

Мы с трудом затащили его обратно в Грот. Он был лёгок, но в нём была какая-то жуткая, пассивная сила. Мы связали его ремнями из кожи пескороев, и он лежал на своём каменном ложе, глядя в потолок пещеры. Его губы продолжали беззвучно шевелиться, завершая свой последний разговор.

Через два цикла сна он умер. Он не задохнулся. Он не страдал. Он просто выдохнул и больше не вдохнул. Словно получил разрешение уйти. Сил сказала, что это милосердие, но когда я посмотрел на её лицо, я увидел в её глазах тот же страх, что поселился в моей душе. Белая Жажда была заразна. Это была идея, вирус, который поражал уставший разум.

Мы сожгли его тело на погребальном костре из остатков нашего драгоценного мха. Дыма было мало, он был едким и горьким и быстро растворялся в неподвижном воздухе. Мы сидели вокруг слабого пламени, последняя горстка людей, и я физически чувствовал, как Бель смотрит на нас из-за скал. Она не была злой. Она была просто неизбежной. Она забрала одного. И она терпеливо ждала остальных.

3.

После погребального костра Уна тишина в Гроуте стала осязаемой. Она больше не была просто отсутствием звука; она стала присутствием. Она сидела с нами у догорающих углей, она провожала Каэла на охоту и встречала его, она баюкала плачущую Наю вместо её обессиленной матери. Эта тишина была тяжёлой, как свинцовый саван, и даже редкие слова, которые мы произносили, тонули в ней, не достигая друг друга. Каэл становился всё более угрюмым, его походы в каньон — всё более долгими и безрезультатными. Иногда он возвращался через три, а то и четыре цикла, его лицо было покрыто слоем ржавой пыли, а за спиной был пустой колчан и пустой мешок. Запасы сушёных личинок и мха таяли, превращаясь из еды в реликвии прошлого.

Страх стал нашим воздухом. Но это был не острый, животный страх перед хищником. Это был тягучий, медленный ужас осознания, что наш вид, наша память, наше самоощущение — всё это просто выветривается, как надпись на древнем камне.

Каждый шорох, каждый вздох, каждый удар сердца казался вторжением, нарушением нового, жуткого порядка. Мы перестали смотреть друг на друга. Взгляды скользили по стенам, по полу, по теням, которые в багровом свете казались глубже, живее и осмысленнее, чем мы сами.

Каэл стал ещё более угрюмым, но его молчание было не спокойным, а напряжённым, как натянутая тетива. Он часами сидел и точил обсидиановый нож, хотя тот уже был острым как бритва. Это было механическое действие, способ не сойти с ума, но в каждом его движении сквозила подавленная, бессильная ярость. Мир лишил его цели — охоты, — и теперь он был силой без точки приложения, медленно ржавеющей изнутри.

Я, Ворр, чувствовал, как мои истории умирают во мне. Слова, которые я повторял циклами, чтобы сохранить речь, теперь казались мне набором бессмысленных звуков. Зелёный. Синий. Дождь. Смех. Это были слова-призраки, вызывавшие лишь тупую, ноющую боль, как фантомная боль в ампутированной конечности всего человечества. Мой долг, моя суть — хранить память — превратился в моё проклятие. Я был ходячим музеем мира, которого больше нет, и моими единственными посетителями были умирающие, которые не хотели ничего помнить.

Но хуже всего было то, что случилось с Лир.

Она всегда была тихой, но её тишина была живой, она была частью её сущности, как тишина лесного ручья. Теперь она стала другой. Это была тишина камня. Она перестала участвовать в наших скудных ритуалах — перебирать личинок, чинить изношенные шкуры. Она выбирала самый тёмный угол Грота и сидела там, обхватив колени худыми руками, и медленно, почти незаметно раскачивалась из стороны в сторону. Как маятник, отмеряющий последние секунды мира. Её большие, тёмные глаза были устремлены на восток. Она смотрела не на стену Грота, она смотрела сквозь неё, словно камень стал для неё прозрачным.

Её брат-близнец Ор чувствовал это острее всех. Её угасание было его собственным. Он пытался пробиться к ней, растолкать кокон молчания, в который она себя заключила. Он совал ей в руки работу, тряс её за плечи, говорил ей на ухо истории из их почти несуществующего детства. Он вёл себя как человек, пытающийся раздуть огонь из мокрых веток в проливной дождь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.